

ОПИСЬ НОМЕР ВОСЕМЬ

Глава 1. Казённый дом

Запах всегда один и тот же.

Елена знала его наизусть. Это не был запах разложения — до такого муниципальная служба старалась не доводить. Это был запах остановившегося времени. Смесь корвалола, старой пыли, залежавшейся шерсти и сладковатого, приторного духа сухой герани.

Елена постояла на пороге. Квартира номер восемь была «однушкой» в старой хрущевке. Хозяйка — Градова Софья Андреевна, 1952 года рождения, корректор. Умерла во сне. Наследников нет. Теперь это не дом. Теперь это «объект».

Елена привычным движением достала синие бахилы. Шуршание полиэтилена в мертвой тишине прозвучало неестественно громко. Затем — латексные перчатки. Щелчок резинки на запястье сработал как переключатель. Всё. Теперь она не Елена Викторовна, женщина с ипотекой и сложным разводом. Теперь она — Функция. Инвентаризатор. Она шагнула в коридор. Паркет скрипнул.

— Здравствуйте, — тихо, одними губами произнесла она в пустоту.

Это была техника безопасности: обозначить свое присутствие. Попросить разрешения у стен. Она достала планшет.

— Объект: однокомнатная квартира. Состояние — удовлетворительное. Прихожая. Вешалка, износ восемьдесят процентов. Зеркало овальное, мутное...

Она работала быстро. Глаз намётан. Мир вокруг неё распадался на две категории: «Ликвид» и «Утиль».

Хрусталь в серванте — утиль. Книги (зелёные тома Диккенса) — возможно, ликвид, на вес. Старый телевизор — платный вывоз. Холодильник — рабочий.

Елена двигалась по комнате, как хирург. Чужая жизнь давила, но она не позволяла себе останавливаться. Она смотрела на стопку аккуратно

сложенных на кресле вещей: байковый халат, шерстяные носки, очки. Казалось, хозяйка просто вышла за хлебом.

Она подошла к окну. Старая деревянная рама рассохлась. Форточка была приоткрыта, и осенний сквозняк шевелил тюль, отчего по полу бегали тревожные тени. Тюль задевал край стола, рискуя смахнуть вазочку.

Елена занесла руку, чтобы записать вазочку в графу «Бой», но замерла. Потом отложила планшет. Подошла к окну и аккуратно, стараясь не скрипеть, закрыла форточку. Поправила штору. Зачем? Здесь больше некому мерзнуть. Но она сделала это. Чтобы не дуло. Чтобы в комнате сохранилось то последнее, едва уловимое тепло, которое ещё держалось в углах.

— Так-то лучше, — пробормотала она.

Вернулась к столу. Взгляд зацепился за фотографию на стене: чёрно-белый портрет молодой женщины. Рамка висела криво, с сильным креном влево. Елену это царапнуло. Непорядок. Хаос. Смерть — это и так абсолютный хаос, нельзя позволять ему побеждать в мелочах. Она поправила рамку. Теперь ровно. Строго по горизонту.

Она вздохнула, снова беря планшет.

— Продолжаем. Жилая комната. Секция мебельная, полированная, 1980-е годы. Содержимое шкафов: текстиль, бытовая утварь...

Елена потянула на себя дверцу шкафа. Петли жалобно взвизгнули. Внутри пахло лавандой. Полки забиты плотно: белье, полотенца, коробки. Обычный склад одиночества. Елена протянула руку к верхней полке, где стояла потертая обувная коробочка с надписью «Саламандра». «Наверняка нитки или пуговицы, — подумала она скучающе. — Или счета за прошлый век».

Она сняла коробку. Тяжелая. Слишком тяжелая для счетов. Елена поставила её на стол, сдула слой серой пыли.

«Опиши номер восемь, — продиктовала она. — Коробочка картонная, содержимое...»

Неторопливо сняла крышку. И замолчала. Диктофон продолжал писать тишину, в которой слышно было только, как в пустой кухне капает вода из крана.

Глава 2. Бумажная память

В коробке лежала макулатура. Елена разочарованно выдохнула. Ни облигаций, ни «гробовых». Просто стопка бумаги. Инструкция гласила: «Бумажные носители, не являющиеся документами, подлежат утилизации». Она потянула руку к мусорному пакету. Но профессиональная привычка — вездливая, как тот самый запах пыли — сработала раньше. Люди часто прячут купюры между страницами. Прежде чем выбросить, нужно перетряхнуть.

Елена вывалила содержимое на стол. Стопка рассыпалась веером. Плотная, шершавая бумага. Типографская краска разных оттенков. Театральные программки.

— Серьёзно? — спросила Елена у пустой комнаты. — Весь этот хлам — просто билетики?

Она взяла верхнюю. «Вишнёвый сад», 1984 год. Областной драматический театр. Елена машинально пролистала её. Пусто. Только в списке действующих лиц, напротив одной фамилии, стояла галочка. Фиолетовыми чернилами. Аккуратно, почти каллиграфически.

Яша, молодой лакей — арт. О. В. Зорин.

Елена хмыкнула. Очередная влюбленность молодости? Она взяла следующую. 1985 год. «На дне». Галочка теми же фиолетовыми чернилами.

Алёшка — арт. О. В. Зорин.

Третья. Четвертая. Десятая.

Елена перебирала программки, и её раздражение сменялось странным, холодным любопытством следователя. Это не была случайная коллекция. Это была хронология.

1989 год. 1993 год. 1998 год. Менялись названия пьес, менялась цена, менялась бумага. Неизменным оставалось одно: цвет чернил и фамилия Зорин.

— Ну и кто ты такой, Зорин? — пробормотала Елена.

Она присмотрелась. Ни Гамлетов, ни Чацких. «Второй стражник». «Прохожий». «Гость на балу». «Кушать подано». В списке труппы его фамилия всегда болталась где-то в конце.

Елена почувствовала укол разочарования. Банально. Одинокая женщина придумала себе кумира. Сотворила бога из статиста. Она уже собралась сгрести всё обратно в коробку, как её палец зацепил глянцевого буклет начала двухтысячных. На полях, рядом с галочкой, было что-то написано. Тем же бисерным фиолетовым почерком. Слово корректорская правка на полях рукописи.

«В третьем акте хромал на левую ногу. Ботинки старые».

Елена замерла. Она взяла предыдущую программку. 1999 год. «Ревизор». Пометка карандашом (видимо, чернила кончились, но на следующей программке они вернулись): «Голос сел. Простужен. Шарф не надел на поклонах».

Она начала листать их заново, уже не как мусор, а как шифр.

1987 год: «Подстригся. Ему не идет».

1995 год: «Смотрел в зал, в пятый ряд. Искал кого-то. Не меня».

2005 год: «Похудел. Костюм висит мешком. Пиджак с чужого плеча».

Ни одного «Люблю». Ни одного сердечка. Только сухая, безжалостная фиксация. Медицинская карта чужой жизни. Елена села на стул, забыв, что на нём слой пыли. В этой стопке не было фанатизма. Фанатки пишут о восторге. Здесь были только факты.

Софья Андреевна тридцать с лишним лет ходила в театр не смотреть спектакли. Она ходила смотреть, как живет, стареет, болеет и меняется человек, который даже не знал о её существовании в темном зале.

Руки Елены наткнулись на пустоту в хронологии. Между 2010 и 2012 годом был провал. Ни одной программки.

— Разлюбила? — спросила Елена вслух.

Она порылась в бумагах и нашла маленький, сложенный вчетверо листок. Это была вырезка из газеты, некролог о смерти какого-то режиссера, а на полях рукой Софьи было написано: «Театр на ремонте. Труппа на гастролях. Сказали, он не поехал. В отделе кадров трубку не берут».

И чуть ниже, дрожащим почерком: «Жив. Видела афишу на октябрь».

Елена откинулась на спинку стула. В тишине квартиры вдруг стало оглушительно громко. Она посмотрела на мусорный мешок. По инструкции это — макулатура. Утиль. Но если она сейчас опустит эту коробку в чёрный пластик, то Олег Зорин, актер вторых ролей, перестанет существовать.

Вернее, исчезнет тот единственный человек, для которого он был главным героем.

Елена медленно стянула перчатку. Голой ладонью провела по стопке бумаги. Бумага была теплой.

— Чёрт, — сказала она.

И полезла в карман за смартфоном.

Глава 3. Человек в футляре

Смартфон ловил сеть неохотно. Елена подошла к окну, поближе к тому самому сквозняку, который она так старательно перекрыла. В строке поиска она набила: «Олег Зорин актер». Что она ожидает увидеть? Некролог? Статью в Википедии? Поиск выдал всего четыре страницы результатов. Ничтожно мало для человека, который провел на сцене сорок лет.

Первая ссылка — сайт Областного драматического театра. Раздел «Труппа». Долго грузилась страница. Наконец, появился список. Молодые, амбициозные — в начале. «Заслуженные» — в золотых рамках. Зорин был в самом низу. В разделе, который стыдливо именовался «Ветераны сцены» или просто «Вспомогательный состав». Фотография была маленькая, десятилетней давности. Мужчина с усталым, «рыхлым» лицом. Мешки под глазами, редкие седые волосы. Взгляд человека, который привык, что на него не смотрят.

Елена перевела взгляд на коробку. Софья Андреевна видела его другим. Для неё он «худел», «хромал», «искал кого-то глазами». Она видела в этом уставшем старике героя. Елена вернулась к поиску. Вторая ссылка — форум театралов за 2014 год. Тема: «Кто играл Третьего горожанина?». Ответ: «Кажется, Зорин. Или Петров. Они вечно в массовке меняются». Третья ссылка — новость городской газеты. «Юбилейный вечер... В концерте принимали участие...» И список фамилий через запятую. Зорин был предпоследним.

Всё.

Ни интервью. Ни рецензий. Официальная биография Олега Зорина умещалась в три строчки: «Окончил училище в 1978 году. В труппе с 1980 года. Роли: Стражник, Прохожий, Леший, Гость».

Елена выключила экран. Телефон черным зеркалом отразил её собственное лицо — такое же уставшее, без макияжа.

— Пустое место, — сказала она тихо.

И тут же поморщилась, словно от внезапной зубной боли. Слова повисли в воздухе, тяжелые и несправедливые. Интернет не знает жалости: если тебя нет в поиске, тебя нет вообще. Но в коробке из-под обуви «Саламандра» этот человек был центром вселенной. Там была другая оптика.

Елена посмотрела на часы. Ей нужно было ехать в офис, сдавать отчет. Она встала, одернула форменную куртку. Взгляд упал на чёрный мусорный мешок.

Инструкция. Параграф 4. «Личные записи, не представляющие исторической ценности...»

Она взяла коробку. Рука дрогнула. Если она опустит её в чёрный пластик, останется только сайт театра с разделом «Вспомогательный состав». И три сухие строчки биографии. Больше ничего.

— К черту инструкцию, — выдохнула Елена.

Она сунула коробку в свою рабочую сумку, потеснив планшет и бахилы. Молния застегнулась с трудом, прикусив уголок программки 1995 года. Елена оглядела квартиру в последний раз. Пусто. Стерильно. Теперь здесь можно продавать метры. Она вышла в коридор, щелкнула выключателем. На лестничной площадке снова достала телефон. Вбила в поиск: «Областной драматический театр отдел кадров телефон».

Гудки шли долго.

— Алло? — рявкнул женский голос. — Кадры, обед у нас!

— Я из муниципального фонда, — соврала Елена голосом Функции. — По поводу пенсии вашего сотрудника. Зорин Олег Викторович. Срочно нужен адрес фактического проживания. Ошибка в начислениях.

На том конце провода зашуршали бумагами. Бюрократия боится слова «ошибка».

— Улица Ленина, 45, квартира 12, — буркнула трубка. — Только он на больничном, если что.

— Спасибо.

Елена нажала отбой.

Улица Ленина была на другом конце города. Елена Викторовна, женщина с ипотекой, должна была ехать в офис. Но Елена, инвентаризатор чужих жизней, вызвала такси.

Глава 4. Почтальон

Дом на улице Ленина был сталинкой с облупившейся лепниной. Высокие потолки, гулкие подъезды, запах сырости и жареной картошки. Елена поднялась на второй этаж. Кнопка звонка была старой, карболитовой. Она нажала. За дверью долго шаркали тапочки. Потом звякнула цепочка.

— Кто? — голос был глухим, простуженным. Тот самый голос, про который в программке 1999 года было написано: «Сел».

— Олег Викторович? Вам посылка.

— Какая посылка? Я ничего не заказывал. Вы из соцзащиты?

— Нет. Я частным образом. Откройте, пожалуйста. Это недолго.

Щелкнул замок. Дверь открылась.

Олег Зорин оказался ниже, чем Елена представляла. Он был в старом вязаном кардигане и тренировочных штанах с вытянутыми коленями. На носу — очки на резинке. Он смотрел на неё с опаской, как смотрят старики на распространителей фильтров для воды.

— Я ничего покупать не буду, — сразу предупредил он.

— Я ничего не продаю. — Елена расстегнула сумку. — Это вам просили передать.

Она достала коробку «Саламандра». Поставила её на тумбочку в прихожей, прямо поверх газеты с кроссвордами. Зорин посмотрел на коробку, потом на Елену.

— Кто просил?

— Софья Андреевна Градова.

Он нахмурился. Пожевал губами, вспоминая. В его глазах была пустота. Имя ему ничего не говорило. Совсем.

— Градова... — повторил он неуверенно. — Это из бухгалтерии? Или та, что реквизитом заведовала?

— Нет. Она не работала в театре. Она была зрителем.

Елена отступила на шаг к лестнице. Ей вдруг стало неловко. Она чувствовала себя самозванкой, вторгшейся в чужую старость.

— Посмотрите, — кивнула она на коробку. — Там всё написано. До свидания.

Она начала спускаться, но голос Зорина остановил её:

— Пойдите.

Он снял крышку. Елена замерла на ступеньке, держась за холодные перила. Зорин достал верхнюю стопку. «Вишнёвый сад». 1984 год. Его пальцы, узловатые, артритные, медленно перевернули страницу. Он увидел галочку. Те же фиолетовые чернила. Прочитал фамилию. Хмыкнул. Потом взял следующую. Ещё одну. Тишина в подъезде стала вязкой. Он читал. Елена видела только его спину и склоненную седую голову. Он вытащил буклет из середины. Тот самый, где про «хромал на левую ногу». Поднес близко к глазам, щурясь. Губы его беззвучно шевелились, читая мелкий бисерный почерк.

— Девяносто третий год... — прошептал он вдруг. Голос дрогнул. — Я тогда мениск порвал. Никто не знал. Я терпел. Думал, не заметно.

Он обернулся к Елене. Очки съехали на кончик носа. В его взгляде больше не было опаски. Была растерянность. Абсолютная, детская растерянность человека, у которого вдруг перевернули мир.

— Она... она все эти годы ходила?

— Больше тридцати лет, — сказала Елена тихо. — Там всё есть. Каждая роль. Даже когда вы без слов выходили.

Зорин оперся рукой о косяк, словно ноги вдруг стали ватными. Он смотрел на коробку так, будто там лежал золотой слиток. Или бомба.

— Я не знал, — сказал он. — Я никого не видел в зале. Там же темно. Софиты...

Он помолчал. Провел ладонью по лицу.

— Я думал, я в пустоту играю. Всю жизнь — в пустоту. Кому нужен «Третий стражник»? Думал, вышел, ушел — и никто не вспомнил.

Елена молчала. Ей нечего было добавить.

— Как... как вы сказали, её звали? — спросил он, не поднимая глаз.

— Софья, — ответила Елена после паузы. — Софья Андреевна.

— Софья... — он попробовал имя на вкус. Бережно. — А я даже спасибо сказать не могу.

Он поднял глаза на Елену. В них блеснуло.

— Вы... вы зайдете? Чай? У меня варенье есть.

— Нет, спасибо, — Елена покачала головой. Миссия выполнена. Груз доставлен. Ей здесь больше нечего делать. — Мне пора. Работа.

Она быстро пошла вниз по ступеням, слушая гулкое эхо своих шагов. Уже на первом этаже она услышала, как наверху хлопнула дверь. Не резко, не со злостью. Бережно. Так закрывают дверь, когда в доме есть кто-то, кого боятся разбудить. Или когда в доме больше не одиноко.

Глава 5. Закрытый реестр

На улице шёл дождь. Мелкий, осенний, смывающий пыль с тротуаров. Елена вышла из подъезда и глубоко вдохнула влажный воздух. Сумка на плече висела легко. Та тяжесть, которая тянула её к земле последние два часа, исчезла. Коробка «Саламандра» осталась там, на тумбочке, поверх кроссвордов.

Она села в такси.

— Куда едем? — спросил водитель, глядя на неё в зеркало заднего вида.

— В центр. К муниципальному архиву.

Елена достала планшет. Экран мигнул, требуя пароль. Ей нужно было закрыть заявку. Система не терпела пустоты, каждый объект должен быть финализирован до конца рабочего дня. На экране высветился файл: «Ул. Островского, д. 8, кв. 8. Гр. Градова С.А.».

Елена пролистала список.

Шкаф — ДСП. Стул — 2 шт. Холодильник — б/у. Текстиль — ветхий.

Курсор замигал в графе «Особые отметки / Ценности».

По инструкции сюда заносились сведения о найденных ювелирных изделиях, антиквариате, орденах или крупных суммах наличных. Всё то, что подлежит изъятию и передаче государству или наследникам. Елена посмотрела в окно. Мимо проплывали серые дома, мокрые деревья, люди под зонтами. Обычный город. Обычная жизнь. Она вспомнила спину старика в растянутом кардигане. Вспомнила, как дрожали его руки, когда он перелистывал пожелтевшие страницы с фиолетовыми галочками. Вспомнила звук закрываемой двери — бережный, тихий.

В этой квартире, в «объекте номер восемь», хранилось сокровище, которое невозможно оценить ни в рублях, ни в валюте. Сокровище, на которое не оформишь накладную.

Елена коснулась экрана. В графе «Ценности» она набила: «Не обнаружено».

Затем прокрутила страницу вниз, до финальной кнопки. Статус объекта: «Готов к реализации». Подпись исполнителя: «Ветрова Е.В.».

— Отправить, — сказала она тихо.

Планшет пискнул, подтверждая операцию. Файл закрылся, растворившись в базе данных среди тысяч других таких же безликих квартир. Елена выключила экран и откинулась на спинку сиденья. Она знала, что совершила должностное нарушение. Она знала, что украла у государства макулатуру. В салоне было тихо, только мерно скрипели дворники, смахивая воду со стекла: вжих-вжих. Елена улыбнулась своему отражению в темном окне. Опись была закрыта. Баланс сошёлся.

Мир, который по документам был пуст, на самом деле был полон до краев.

